

И. А. ПИЛЬЩИКОВ, М. И. ШАПИР

СТИХОТВОРЕЦ И ПУБЛИКА
В ПУШКИНСКОМ ОТРЫВКЕ
«НЕ СМОТЯ НА ВЕЛИКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА...»
(Дополнения к комментарию)

Пушкинский «Отрывок», ставший предметом специального разбора в заметке О. Б. Заславского (2003/2005), был написан осенью 1830 г., в период наибольшего разлада и взаимного охлаждения между поэтом, с одной стороны, читателями и критикой, с другой. Суть этого конфликта очень полно и точно выражена в сонете «Поэту» (1830), где идея прав и свобод литератора как частного человека и как художника парадоксальным образом воплощается в одной из самых несвободных стихотворных форм (ср. Непомнящий 1997: 210; Перцов 1998: 230—231, 243):

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

По-видимому, в идее творческой свободы Пушкин усматривал какое-то скрытое противоречие — чем иначе объяснить, что всякий раз она требовала парадоксального оформления? Например, в «Египетских ночах», использовавших комментируемый «Отрывок», Импровизатор, чей промысел — продавать свое заказное вдохновение, с готовностью принимает тему, предложенную ему Чарским: «⟨...⟩ поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его

вдохновением» (Пушкин 1940, 8, [кн.] 1: 268; Шапир 2003/2005: 157 примеч. 64). Внутреннюю противоречивость мы находим и в отрывке «Не смотря на великие преимущества...»: здесь парадоксальным образом соединяются явные приметы завершенности и незавершенности; автор хочет сохранить для потомства сочинение, состоящее из предисловия и послесловия (ср. Заславский 2003/2005).

Истоки названного парадокса всё те же — кризис в отношениях между поэтом и публикой, разразившийся в 1830 г. Журналистам, не нашедшим в 7-й главе «Евгения Онегина» «ни одной мысли (<...> ни одного чувствования, ни одной картины, достойной взорънїя» (Булгарин 1830, № 35: [1]), Пушкин отвечал, что «самый ничтожный предмет может быть избран стихотворцем» (1937, 6: 540 примеч. **) ¹. И хотя автор дотоле намеревался свой роман продолжать, он, по сути, скомкал произведение, свернул его оставшуюся часть до одной главы, а на претензии зоилов ответил «Домиком в Коломне», весь пафос которого — в утверждении абсолютной свободы творческой воли. Поэт шокировал читателей непомерно раздутым вступлением, фиктивностью сюжета, ничтожеством персонажей, демонстративным отказом от нравоучительства и сгущенной пародийностью, которая восполняет отсутствие действия: в поэме, можно сказать, так ничего и не происходит (мнимая кухарка *Ушла, не взяв в уплату ни полушки // И не успев наделать важных бед*).

Первоначальный замысел был еще более радикальным: сюжет поэмы Пушкин думал редуцировать до нуля. Текст должен был состоять из одного вступления, за которым следовало послесловие: «Сии октавы служили вступлением к шуточной поэме уже уничтоженной» (Пушкин 1948, 5: 377). Этот замысел структурно тождествен «Отрывку», где за предисловием сразу же идет послесловие: «Сей отрывок составлял, вероятно, предисловие к повести, не написанной или потерянной» (Пушкин 1940, 8, [кн.] 1: 411). Нельзя не обратить внимание на лексико-грамматическую формульность двух послесловий, появившихся на свет с расстоянием в три недели: первое датировано 5-м октября, а второе — 26-м октября 1830 г.

Однако всем перечисленным сходство между произведениями не исчерпывается. И стихотворное предисловие к поэме, и прозаическое предисловие к повести посвящены металитературным вопросам и содержат многочисленные отклики на недавнюю журнальную войну. Речь идет об участии русского литератора, если не жалкой, то горькой: в стихах иронически говорится о праве поэта на глагольные рифмы и свободный выбор размера, в прозе — о «праве ставить винит.<ельный>

вместо родит.⟨ельного⟩ падежа после частицы *не* и кой-каких еще т.⟨ак⟩ наз.⟨ываемых⟩ стих.⟨отворческих⟩ вольностях» (Пушкин 1940, 8, [кн.] 1: 409). Совпадают даже отдельные мотивы: «Явится ль он ⟨стихотворец⟩ в армию, чтоб взглянуть на друзей и родственников — публика требует непременно от него поэмы на последнюю победу, и газетчики сердятся, почему долго заставляет он себя ждать» (Пушкин 1940, 8, [кн.] 1: 409). Ср. первоначальный набросок вступления к «Домику в Коломне»: *Пока сердито требуют журналы, // Чтоб я воспел победы россиян // И написал скорее мадригалы // На бой или ⟨?⟩ на бегство персиян ⟨...⟩* (Пушкин 1948, 5: 371).

Если сообщение в обоих произведениях редуцировано, то адресант, напротив, редуцирован. В «Отрывке» подразумеваются не два (ср. Заславский 2003/2005: 206), а три или даже четыре автора: это 1) стихотворец, от которого «повесть, предлагаемую ныне читателю» (Пушкин 1940, 8, [кн.] 1: 411), услышал 2) автор предисловия, далее, это 3) автор послесловия (издатель?), с которым — так же, как в «Повестях Белкина» — может быть, хотя и не обязательно, отождествлен 4) сам Пушкин. Всё это тоже сближает «Отрывок» с рукописной редакцией «Домика в Коломне», сочинитель которого намеревался сохранить анонимность: *Потому-то // Здесь имя подписать я не хочу ⟨...⟩* (Пушкин 1948, 5: 380). Образ автора намеренно размывается:

Покаместь, можете принять меня
 За старого, обстреленного волка
 Или за молодого воробья,
 За новичка, в котором мало толка,
 У вас в шкапу, быть может, мне, друзья,
 Отведена особенная полка
 А может быть впервой хочу послать
 Свою тетрадку в мокрую печать —

(Пушкин 1948, 5: 380—381)

В «Отрывке» адресант тоже принимает обличье и «молодого воробья», и «обстреленного волка»: автор предисловия, чуть ли не впервые взявшийся за перо, не знаком ни с кем из литераторов, кроме знаменитого стихотворца, который собственно и рассказал ему «не написанную или потерянную» повесть. Между прочим, сама ситуация — начинающий автор, вознамерившийся записать повесть, услышанную от маститого поэта, — напоминает творческую историю «Уединенного домика на Васильевском» (1829); поэтому «Отрывок» может гипотетически считаться единственным откликом Пушкина на этот загадочный эпи-

зод в его собственной биографии: как известно, повесть Пушкина, рассказанную на вечере у Карамзиных, записал В. П. Титов и напечатал ее в «Северных Цветах» под псевдонимом Тит Космократов (см. Ходасевич 1915: 6—8; Сидоров 1999/2000: 77—78)².

Обнаруженные параллели между «Отрывком» и «Домиком в Коломне» показывают всю условность и зыбкость границы между *finito* и *non-finito*: прежде всего она зависит от точки зрения. В какой-то момент вступление к поэме, писанное октавами, мыслилось как законченное произведение, но потом — в существенно переработанном виде — стало частью другого произведения, превратившись из целого во «фрагмент» и даже в «раннюю редакцию». Та же участь постигла отрывок «Не смотря на великие преимущества...»: по отношению к «Египетским ночам» он находится в том же положении, что октавы вступления — по отношению к поэме «Домик в Коломне»; разница лишь в том, что «Отрывок» Пушкин переработал не сразу, а вернулся к нему пять лет спустя.

* *
 *

Наши дополнения касаются не только биографических, но и собственно литературных аспектов генезиса пушкинского «Отрывка», а точнее, одной из его ключевых тем. Среди намеченных вставок в текст этого произведения мы видим оборванную цитату: «Voltaire сказал: le plus grand malheur (...)» = «Вольтер сказал: величайшее несчастье (...)» (Пушкин 1940, 8, [кн.] 2: 961). В справочном томе большого академического собрания сочинений эта цитата охарактеризована как «невскрытая» (Котанская 1959: 479). Вот ее полный текст: «Le plus grand malheur d'un homme de lettres n'est peut-être pas d'être l'objet de la jalousie de ses confrères, la victime de la cabale, le mépris des puissants du monde; c'est d'être jugé par des sots» = «Величайшее несчастье литератора заключается, вероятно, не в том, чтобы быть предметом зависти братьев, жертвой интриги или презрения сильных мира сего, а в том, чтобы быть судимым глупцами» (Voltaire 1876: 406). Этими словами начинается предпоследний абзац статьи из «Философского словаря» Вольтера, озаглавленной «Lettres, gens de lettres, ou lettrés» («Литература, литераторы, или грамотеи»). Хотя французская цитата в «Отрывок» не попала, статья Вольтера должна считаться одним из его источников.

Начало пушкинского произведения варьирует мотивы, непосредственно восходящие к Вольтеру: «Не смотря на великие преимущества,

коими пользуются стихотворцы <...> эти люди подвержены большим невыгодам и неприятностям. Не говорю <...> о зависти и клевете братья, коих они делаются жертвами <...> но что кажется может сравниться с несчастьем для них неизбежимым; разумеем суждения глупцов?» (Пушкин 1940, 8, [кн.] 1: 409)³. Отгалкиваясь от вольтеровских слов о «величайшем несчастье», какое только может постигнуть литераторов, обреченных «на суд глупцов» («être jugé par des sots»), Пушкин вступает с автором «Философского словаря» в своеобразную полемику: «Однако же и сие горе, как оно ни велико, не есть крайним еще для них. — Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотв.<орца> — есть его звание, прозвище, коим он заклемен и которое никогда его не покидает» (Пушкин 1940, 8, [кн.] 1: 409).

В «Египетских ночах» все «строительные леса» сняты — антитезис, уточняющий Вольтера, подан как независимый тезис: «Не смотря на великие преимущества, коими пользуются стихотворцы <...> эти люди подвержены большим невыгодам и неприятностям. Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его звание и прозвище, которым он заклемен и которое никогда от него не отпадает» (Пушкин 1940, 8, [кн.] 1: 263). Генетическая связь с «Dictionnaire philosophique», в 1830 г. подкреплявшаяся несправедливыми и неосновательными выпадами критиков, в 1835 г. осталась в авантексте, и мы, верно, никогда бы не узнали о ней, если бы не черновой набросок к «Отрывку».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из наброска предисловия к VIII и IX главам «Евгения Онегина» (написано в Болдине 28 ноября 1830 г.).

² Знаменательно при этом, что эпитеты, коими отсутствующая повесть награждается в «Отрывке» («не написанная или потерянная»), могут выражать сожаление Пушкина по поводу нереализованного замысла, который позднее многожды отозвался в «Домике в Коломне» и «Медном Всаднике».

³ Ср. тот же мотив в сонете «Поэту»: <...> Услышишь суд глупца и смех толпы холодной <...>

БИБЛИОГРАФИЯ

- Булгарин, Ф.: 1830, [Рецензия на книгу]: 'А. Пушкин, Евгений Онегин: Роман в стихах, С.-Петербург 1830, гл. VII', *Северная Пчела*, 22 марта, № 35, [1—3]; 1 апреля, № 39, [1—3]. Без подписи.

- Заславский, О. Б.: 2003/2005, 'Структурные парадоксы пушкинского «Отрывка» («Не смотря на великие преимущества...»)', *Philologica*, т. 8, № 19/20, 205—207.
- Котанская, Л. А.: 1959, 'Указатель имен', Пушкин, *Полное собрание сочинений*, [Москва — Ленинград], Справочный том: Дополнения и исправления; Указатели, 79—488.
- Непомнящий, В. С.: 1997, 'Из набросков о лирике Пушкина', *Московский пушкинист: Ежегодный сборник*, Москва, [вып.] IV, 191—219.
- Перцов, Н. В.: 1998, 'Сонетный триптих Пушкина', *Московский пушкинист: Ежегодный сборник*, Москва, [вып.] V, 217—253.
- Пушкин: 1937—1948, *Полное собрание сочинений*, [Москва — Ленинград] 1948, т. 5; 1937, т. 6; 1940, т. 8, [кн.] 1—2.
- Сидоров, И. С.: 1999/2000, 'Две заметки о пушкинском «Полководце»', *Philologica*, т. 6, № 14/16, 71—83.
- Ходасевич, В.: 1915, 'Петербургские повести Пушкина', Пушкин, Титов, *Уединенный домик на Васильевском: Повесть*, Москва, 3—33 (= Универсальная библиотека; № 1129).
- Шапир, М. И.: 2003/2005, 'Семантические лейтмотивы ирон-комической октавы: (Байрон — Пушкин — Тимур Кибиров)', *Philologica*, т. 8, № 19/20, 91—168.
- Voltaire: 1876, *Œuvres complètes*, Paris, t. 19.